

Дия Сёмина

ГЛАЗА Б МОИ
ВАС НЕ ВИДЕЛИ,
Ваша Милость!

Бытовое фэнтези. Отдельные книги

Дия Сёмина

**Глаза б мои вас не
видели, Ваша Милость!**

«Автор»

2026

Сёмина Д.

Глаза б мои вас не видели, Ваша Милость! / Д. Сёмина —
«Автор», 2026 — (Бытовое фэнтези. Отдельные книги)

Очнулась в теле опозоренной барышни: жених поступил подло и сбежал, его мамаша разрушила мою репутацию, да так, что в приличном обществе показаться стыдно. Имение продано с молотка за долги, а я вынуждена остаться в качестве «развлечения» для ссыльного барина. Чтобы избежать позора, притворилась слепой. И, кажется, попала в опасную ловушку, теперь обязана провести год с одиноким, одичавшим от провинциальной скуки мужчиной. Словно этого мне мало, так ещё и со всей округи в «наше» поместье потянулись вереницы невест. Но у меня свои планы и на барона, и на поместье: одного приручить, второе возродить, главное, не перепутать. Один грозный петух-телохранитель. Несколько молодых помещиков, всегда гордых на какие-то романтические приключения и не только. Старенькое пианино и взрослая попаданка в тело юной барышни. А вы думали, что жизнь в провинции скучна? Нет, скучать героям точно не придётся.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Дия Сёмина

Глаза б мои вас не видели, Ваша Милость!

Глава 1

— Ку-ка-ре-ку! — внезапно над моей головой раздался такой истошно пронзительный боевой клич петуха, что я невольно вздрогнула, словно получила разряд дефибриллятором, и почему-то почти ничего не почувствовала ни боли, ни страха.

Приоткрываю глаза и не могу поверить в то, что вижу, а вижу я огромный хищный клюв аккурат у своего глаза. Знаю я этих пернатых нахалов, у него нет ни совести, ни жалости, выбьет глаз просто из вредности.

— Ко-ко-ко...

Явно спрашивает, жива ли я или уже того...

Тело не слушается, единственное, что смогла, это зажмурится, вдохнула и пыль попала в нос: «Апчхи!».

Петух снова сделал попытку наскочить на меня, но откуда-то послышался грозный вопль старушки:

— Ах, ты подлец, крылатый, а ну, пошёл вон, боже мой, Лизонька, свалилась-таки, оземь расшиблась, от петух проклятый, и «никака» его сила не берёт, охотника позвать да пристрелить, хоть супа сварить на дорогу? Да, поздно! Пора, пора, Лизонька, ну далась тебе эта усадьба чёртова, выселють нас, смирись! — и немного погодя над моей же головой просвистела палка или метла, призванная прогнать наглого задиру петуха. — Геть! Подлец, окаянный! Совсем ополоумел, на людей кидаться! Геть!

Птица отлетела в сторону с диким воплем: «Ку-ка-ре-ку!», но, кажется, не оставила планов добить Лизоньку...

Постойте, это сейчас ко мне старушка обратилась? Она меня Лизонькой назвала?

Никакая я не Лиза! Точно помню, что меня как-то иначе звали. И почему я лежу на земле и подняться не могу? Как живой труп.

— Лиза, да отколь ты упала-то, горемычная, тут ступени, да мостовая, как тебя уго-раздило? — над головой вдруг образовалась тёмная тень, словно туча набежала, старушка, крихтя, подняла чёрную трость, какой прогнала крылатого бандита и не дождавшись от меня хоть какого-то ответа, попыталась растормошить и привести в чувство не самым гуманным образом, тыкая палкой в плечо, потом в бок и наконец по опе, надеясь, что не придётся меня таскать, и я оживу сама.

Пришлось подать голос, чтобы она прекратила измывательства:

— Я не Лиза, вы ошиблись. Видимо, запнулась и упала, но сейчас поднимусь, не бейте меня своей палкой, больно же!

— Больно ей! А кто ты? Елизавета Васильевна, тьфу, забудь. Нет у тебя денег, чтобы по имени-отчеству называться! Поднимайся, извозчик скоро приедет, с таким трудом договори-лась. А ты снова за своё, умерла наша благодетельница, упокой её душу господи, святая жен-щина Клавдия Филипповна, святая, да бестолково дела вела, ничего не досталось нам. Поедем, мне одной боязно в столицу, а ты молодая, на работу пойдёшь, такую миловидную девушку в любой дом возьмут горничной, ты только не признавайся, что дворянка и заживём, я при тебе, ты при деле. Лизонька, вон уже слышен колокольчик, кучер от господина Сомова до станции нас довезёт. По твоей вине нас с носом оставили, тебе и работать! И не притворяйся немощ-ной, тоже мне фифа, нет больше тётки, всё...

И она снова стукнула меня по спине, словно это я виновата в чём-то ужасном, о чём даже подумать страшно. Но я не сдаюсь, может старуха слепая и не видит, что я не Лиза.

— Какой кучер? Какую станцию. Вы меня с кем-то путаете, честное слово, и прекратите меня избивать!

И в этот момент я понимаю, что говорю очень красивым, мелодичным голосом, а главное, молодым. С великим трудом сделала над собой усилие, подтянула к лицу руку, словно на ней есть какая-то важная информация, и с ужасом увидела молодую, довольно крепкую, но не лишённую красоты кисть с длинными прямыми пальцами.

Никакого артрита?

— Мамочки...

Моё сознание сделало замысловатый кульбит, не сумев оценить приятные глазу изменения и волшебное превращение или это какие-то галлюцинации, уже не важно, я снова отключилась, но как-то странно. Чувствую, что старуха испугалась, перевернула меня на спину, притащила откуда-то коврик с водой и вылила на лицо. Я даже учуяла, как сухая дворовая пыль, подобно ртути начала скатываться шариками и потом появился приятный запах мела, а надо мной голубое небо, восхитительные облака и...

Какой-то приятно пахнущий мужчина, склонился и под завывания старушки попытался привести меня в чувства. А я всё думаю, и чем таким от него, ах, корицей же...

— Сударыня, что с вами! Очнитесь! Вот незадача! Как её зовут? — обратился к старухе, а она от страха выкрикнула полное имя девушки, в теле которой я сейчас очнулась:

— Лизавета Васильевна Ложкина, очень дальняя родственница покойной Клавдии Филипповны, приживалки мы, а теперче осиротели. А вы не тот ли? — резкий, ворчливый голос старухи вдруг сделался заискивающе ласковым.

— Тот, тот! Вы, сударыни, этот спектакль специально разыграли? Вас предупредили, после заключения сделки вы были обязаны съехать, у меня своих людей девать некуда...

Старушка от злости стукнула клюкой по земле, а я всё ещё в дурмане, так до конца и не поверив, что всё это реальность, снова подняла руку и почему-то провела по удивлённому лицу незнакомца, ото лба по виску, проскользила по его впалой щеке, с едва заметной, колючей щетиной, и по губам, словно я слепая и таким образом пытаюсь поздороваться. Он замер, совершенно не понимая, что происходит, но не отстранился, позволил мне окончить осмотр и только тогда, уже другим тоном, и намного тише спросил:

— Елизавета Васильевна, что с вами? — попытался снова вернуть меня в сознание, но поняв тщетность усилий, переспросил у старушки. — Она, что, слепая?

— Что? Слепая? Ах, да-а-а-а! Как крот! Совершенно слепая, постоянно с ней такие нелепицы, как есть слепая, вот и сейчас свалилась, должно быть, с веранды, — в этот момент, я непроизвольно вздрогнула и хотела возразить, ведь я видела петуха и небо вижу, но старушечья больно пихнула тростью в плечо и продолжила стенания. — Петух её гоняет, прям ненавидит, и какой в него бес вселился, сейчас Лиза оклемается, и уедем, мы люди маленькие, своё место знаем, раз Её превосходительство Антипова не вписала в завещание, забыла тридцать лет моей службы, да сиротство Лизоньки, так тому и быть. Пойдём горемычные, на паперти милостыню просить. Ох, горюшко, ох беда. Вставай, Лиза, вставай, пора нищенствовать, ох, где головушку-то приклонить.

Незнакомец не внял ни стенаниям, ни намёкам старушки, что было бы неплохо, хоть как-то подействовать нашей трагической судьбе, рывком поднял меня на ноги.

И показалось, что земля, на которой я так уютно лежала, извернулась и тоже встала стеной за моей спиной.

Или нет, я просто снова завалилась. И перед глазами белая пелена, кажется, я реально слепая, не успеваю ужаснуться, пугающий допрос продолжился:

— Да что вы, право слово, она припадочная? Я новый хозяин поместья, мне посторонние в доме нежелательны, но, видимо, ваше нежелание уехать и артистизм превосходят все мыслимые и не мыслимые приличия.

Старушку уже не остановить:

— Да какие приличия, ваша милость, пешком нам? Бричка должна была приехать утром и нет, вот последние три рубля на билеты до столицы, и поминай как звали. Но вы же видите, куда я старая, да со слепой. Помилуйте, хоть бы недельку, мы как мышки, ей-богу, по корочке хлеба, да по чашке супу, не объедем, а как Лизонька оправится, сразу уедем, помилуйте.

— Эх! Бог с вами, на неделю, но чтоб потом ноги вашей в моём поместье не было! — и потому громко какому-то мужику. — Савелий! Отнеси барышню в дом, куда старушка укажет. Вот тоже мне. Напасть на мою голову, скоро семейство переезжает, а тут...

Вокруг меня бушуют страсти, и, кажется, старушка побеждает, но я так и не могу прийти в себя. Разум отказывается воспринимать данность, всё, что сейчас происходит – дурной сон. Я взрослая, адекватная женщина семидесяти лет от роду и...

Я застукала зятя с любовницей, и потом случилось что-то ужасное и вот я здесь?

— Помогите, мне надо вернуться, Боже мой! Боже мой! Я их видела! — начинаю вопить, не имея возможности прекратить истерику, старуха снова толкнула меня в бок с такой силой, что я отключилась, не успев крикнуть ещё что-то неуместное и разоблачающее наш маленький, безобидный обман...

Дорогие друзья, рада приветствовать вас в новой истории Лизы и Дмитрия Назаровича, очень непростые отношения, много юмора, нелепых ситуаций и романтики. Ставьте лайки, чтобы сделать книгу заметнее на портале, добавляйте в библиотеку, чтобы не потерять. Надеюсь, вам будет так же интересно читать, как мне писать эту забавную историю! Мир тот же самый, что в книге ХОЗЯЙКА УЕЗДНОГО ГОРОДА <https://author.today/work/575469>

Глава 2

— Не ожидала от тебя такой игры на публику. Это надо же! Слепой притворилась! Молодец! Здесь-то уже всё своё, родное, а в столице-то нам чего делать? Правда, только милостыню и просить. Наших никого в поместье не осталось, все уехали, только истопник, да ему дела мало, слепая ты или притворяешься. Не выдаст!

Она ворчит, сидя в кресле у окна, а я лежу на постели и совершенно отчётливо вижу потолок, которому давно не помешала бы побелка, как и обоям в мелкий цветочек не помешала бы достойная смена. Это определённо не могло быть иллюзией, признаться, был страх, что очнулась в теле слепой. Но это совершенно точно неудачное стечение обстоятельств, какое хитрая старушка смогла вывернуть нам на пользу.

Что-то её голос начал раздражать, как раздражает шальная августовская муха, что мечется по дому, и не пришлѣпнуть её и не выгнать. Однако бесконечная болтовня выдернула меня из бессознательного состояния и не позволила ужасным воспоминаниям захватить разум. Потому что помню только «картинку» как кадры из фильма, помню свой крик, и вопль зятя, а что случилось после?

Наверное, сердечный приступ. И чего я потащилась к дочери, сидела бы дома живая, а сейчас...

Тяжело вздыхаю, словно только что рыдала.

— Очнулась?

— Но ничего не помню.

— Вот те раз, ещё и память потеряла, да что с тобой этот петух проклятый сделал-то? Мозг выклевал? Ты играй, да не переигрывай! А то нас выставят за порог, я даже пять вёрст до города не дойду, не говоря уж про станцию. Бог миловал, зацепились за местечко. Кучер-то Его превосходительства шепнул, что они-с на пару часов, сейчас всё проверят, да и уедут. Потом придёт прислуга, наведут свои порядки, и уж затем семейство. В суе про нас и забудут. Живём себе в коморке...

— Если вы будете так много говорить, то нас точно выгонят! Окно открыто, и всё слышно! — я, наконец, нашла чем усмирить нескончаемый поток совершенно ненужной информации. Старушка мгновенно закрыла рот, тяжело поднялась с кресла, опираясь на трость, и выглянула в окно, где-то недалеко петух снова издал боевой клич, а моё тело содрогнулось. Настоящая Лиза панически боялась крылатого агрессора, вот он и напал, чуя в ней жертву. Меня такими воплями и нападками не проймёшь, пусть только попробует, быстро шею сверну, если, конечно, это не сон...

В животе заурчало от голода. Но голова перестала кружиться, никаких признаков дурноты, кроме того, что я совершенно не понимаю и не помню, что произошло. Почему я очнулась в теле несчастной Лизы? Как такое вообще возможно?

Долго молчать старушка не смогла, но теперь уже шёпотом:

— Сейчас барин уедет, и сделаем себе ужин, попрошу истопника свежих яиц из курятника принести, пожаришь яичницу, вскипятим чаю, глядишь, и полегчает. Только бы жена у него не оказалась гримзой, хотя кольца-то нет. Но одет опрятно, и вида пристойного, видать всё же жена у него строгая, а ты красивая...

— Красивая? — я снова потеряла нить повествования.

— Ну как же, красивая и есть. Нормальная женщина ни за что на свете не потерпит рядом красивую и доступную.

— Вы с ума сошли? Кто вам дал право называть меня доступной, фу, гадость какая, — вскипаю негодованием, она сама того не понимая, прошлась по моей душевной ране и не

заметила, всё, что касается измен в узел завязывает мои внутренности, до тошноты ненавижу всю эту мерзость.

— А какая? Нищая, слепая, красивая, трусливая, каждого шороха боишься, ежели к тебе барин начнёт приставать, ты и рта не посмеешь открыть. Даже ежели и не пристанет, то мы все бабы ревнивые, сами надумаем, сами придумаем, потом скандал и пошло-поехало. Ох, всё равно до осени придётся съезжать.

Этажом выше слышались гулкие шаги, новый хозяин решил основательно проверить все помещения довольно большого дома, а мы как преступницы притихли, боясь выдать себя, разозлить незнакомца и лишиться приюта. Он вполне мог бы сам нас отвезти на станцию и выпроводить с богом, и даже платочком вслед помахать.

— Ух, кажется, ушёл! Лежи тихо, Лиза!

Закатываю глаза, потому что это уже невыносимо, ещё немного и я сама попрошусь на станцию:

— Это вы без конца говорите, как радиоточка.

— Тьфу на тебя, откуда у тебя слова-то такие пошлые объявились. Радиоточка! Придумала же, ругательство.

Привстаю на локтях и с диким удивлением смотрю на «старушку», её кружевной чепец, из-под которого выбиваются неопрятные волосы с тонкими прожилками седины, накрученные на две папильотки и забытые за суетой. Цветастая шаль на плечах, словно сейчас не лето, а осень, и бесконечно старомодное платье, но довольно новое, скорее всего, изъятые из гардероба покойницы-барыни. И самое примечательное — подвижное, эмоциональное лицо, отягощённое всего лишь несколькими мимическими морщинами, она не настолько стара, какой стремится казаться. Старательно милая, но взгляд настолько острый и любопытный, что, кажется, просвечивает насквозь, но это только кажется. Как все эгоистичные натуры, она заиклена на себе, на своей выгоде и выживании.

Но меня больше не волнует ни старушка, ни обстановка, ни перспективы. Вокруг меня нет ни единой приметы нашего мира. Ни розетки, ни лампы на потолке, ничего, что могло бы хоть как-то помочь мне найти выход из непростой ситуации. Теплилась мысль, что это какие-то новейшие технологии, и я сейчас сплю в медикаментозной коме, но нет. Ощущения настолько реальные и осязаемые, что я невольно простонала:

— Мама дорогая, это куда меня так забросило? — мой стон прозвучал как мелодичная песня и ещё больше удивил старушку.

— Знамо дело, в поместье помещицы Антиповой, ты точно всё забыла?

Машинально киваю, но сказать уже ничего не могу. Картина мира рассыпалась на тысячи осколков, всё, что произошло со мной — не имеет обратного хода.

Страх охватил сознание, но провалиться в очередной приступ паники мне не позволил громкий голос нового хозяина:

— Савелий, а куда ты отнёс Елизавету?

Кучер что-то пробубнил, и через несколько минут, дверь нашей спальни бесцеремонно распахнулась, на пороге возник молодой мужчина довольно приятной наружности. И тоже в старинном сюртуке. Теперь я смогла рассмотреть его всего, и, надо сказать, новый хозяин оказался очень даже привлекательным молодым мужчиной: тёмные волосы, серые глаза, прямой нос и высокий лоб — всё как у породистого наследника дворянского рода, но в целом от него разит безнадёжным упрямством и самомнением. Ожидать от такого человека милости — занятие, обречённое на провал.

Он так и стоит в дверях, увидел меня, лежащей на кровати, слегка стушевался, наверное, это неприлично вот так врывать в спальню, но его этот факт не остановил, и он обратился к «старушке»:

— Сударыня, я провёл осмотр дома, приятно удивлён сноному состоянию спален и второго этажа. Но всё же, у меня есть сомнения, относительно вашего пребывания в МОЁМ поместье. Особенно если вы утверждаете, что у Елизаветы Васильевны есть некое родство с покойной. Павлина Павловна, сей факт ставит меня в неловкое положение.

Я с трудом поняла его намёки, дело явно связано с какой-то этикой и моралью, какая усложняет наши и без того непростые отношения?

— Седьмая вода на киселе, внучатая племянница, взяли из жалости, с последнего курса пансиона, опосля болезни, она и потеряла зрения вследствие оной, — Павлина Павловна взбодрилась и решила врать, не стесняясь ничего, только бы остаться в поместье. — Она у нас «вза-место» патефона, песенками развлекали-с нашу барыню, песенками-с!

Теперь в голосе предприимчивой старушки появились нотки местечкового импресарио.

— В таком случае попросите Елизавету Васильевну что-то исполнить...

— Сударь, я слепая, но не глухая, кхм, кхм! — прокашлялась и вдруг выдала, потрясающе красивым голосом абсолютно неуместный гимн, ничегошеньки иного почему-то на ум не пришло:

«Взвейтесь кострами, синие ночи! Мы пионе-е-еры — дети рабочих. Близится эра светлых годов, клич пионеров: «Всегда будь готов!»

И тишина...

Глава 3

Несколько бесконечных секунд мы все, и даже я, пребывали в замешательстве. Дёрнул меня чёрт спеть самую неуместную в сложившейся ситуации песню пионеров, видать настолько врезалась в подсознание с детства, что ни топором, ни петухом не выбить.

Его превосходительство с трудом вернул на своё удивлённое лицо маску невозмутимого спокойствия, наверное, радуясь, что я слепая, и не увидела его ошеломлённого выражения.

— Допустим, голос невероятный, но репертуар, откуда у вас такое странное произведение, ладно бы романс или колыбельная, но марш... Или это протест? Вы протестуете против выселения, или протестуете против того, что я, как вам кажется, забираю нечто принадлежащее вам...

Павлина побагровела, потому что новый хозяин, как злопамятная женщина, сам развил тему, сам придумал доводы, и сам же на них обиделся. А обиженный мужчина порой гораздо хуже женщины...

Вздыхаю и с самым невинным видом пытаюсь сгладить остроту момента:

— Просто пришло на ум, это детская речевка, ничего особенного, для игры в «Зарницу», если вы понимаете, о чём я. Ни малейшего желания, оскорбить вас и ли выразить неуместный протест. Да и против чего мне протестовать? Вы говорите о своих правах так уверенно, что у меня нет сомнений. Мы могли бы уехать, будь у нас хоть какие-то ресурсы и средства, но их нет, нам только пешком по пыльной дороге до самой столицы, глядишь, к зиме добредём.

Павлина встрепелась, побелела лицом и очень жалостливо посмотрела на нового хозяина, старушка поразительно прозорлива, на ходу соображает. И сейчас всё вывернулось так, словно я прошу ссудить денег на отъезд, и такой поворот мою наперсницу тоже устроит, и даже более, чем перспектива остаться здесь. «Главное — не продешевить и взять наличными, а не чеком», — эта мысль у неё буквально бегущей строкой пробежала по лбу.

— Вот значит, в чём дело, и как я сразу не догадался? Вы желаете за мой счёт поправить свои плачевные дела, и устроиться в столице? Допустим, я ссужу вам сто рублей, этих денег хватит на три месяца скромного существования, но потом? Вы действительно выйдете на улицу с песнями, будете позорить имя своей дальней родственницы? Или как иначе вы собираетесь себя содержать?

Павлина открыла рот от удивления, её беглый разум не уловил ни единой логической связи между желанной сотней рублей, и нашим дальнейшим существованием. Она-то собиралась отправить меня на работы, а раз я слепая, то это всё меняет. Неуклюжая ситуация получилась, невинная, казалось бы, ложь, ей же боком и вышла.

— Я могу петь в ресторане или в салоне, раз у меня неплохо получается, — понизив голос до шёпота, пролепетала, словно по наивности не поняла, о чём речь. Но теперь вдруг всё предстало совершенно в ином свете, наш новый хозяин решил, что протест направлен не в его адрес, а в сторону вредной старушки. Уж так строго посмотрел на неё, что несчастная Павлина, загнанная в угол обстоятельствами, икнула, и с самым невозмутимым взглядом посмотрела в мою сторону, ища поддержки.

А я что, я ничего, я — слепая, по правилам игры ничего не вижу.

— В салоне? Вы с ума сошли? А потом люди начнут говорить про меня невесть что? Я изгнал из дому слепую сироту, внучку бывшей хозяйки, и она пала до салонных выступлений? Хотите и моё имя ещё более опорочить?

Вздыхаю, ответить нечего, потому что я вообще не понимаю, к чему приведёт или куда заведёт нас этот фарс, мы, кажется, уже докопались до дна, в глазах нового хозяина я пала ниже

плинтуса. Павлина успела оправиться от шока, уловила суть торга и включилась в переговоры на верной волне:

— Она не пойдёт в салон, не допущу такого позора, дайте нам денег, и мы уедем, у нас есть дальняя родственница, давно звала к себе, у неё маленький домик, справимся, не извольте беспокоиться. Но небольшая финансовая поддержка нам ой, как сподмогла, Ваша Милость, не извольте гневаться, но сами видите, — она многозначительно кивнула в мою сторону, намекая на мою невменяемость.

Снова тягостное молчание, какое нарушил истошный вопль петуха под окнами.

— Простите, а как вас зовут? — вспоминаю, что пропустила мимо ушей имя нашего нового без пяти минут покровителя или спонсора.

— Дмитрий Назарович Кретов. Купил эту примечательную усадьбу из-за двух родников с минеральной водой, ваш город славится целебными источниками. Моей матушке лекарь прописал лечение на водах, но она в силу здоровья не может поехать в Европу или на Кавказ. А здесь чудесный воздух, столица рядом и очень полезные воды, — он проговорил объяснение, как нечто заученное наизусть, чтобы не сказать чего-то опасно лишнего. Уж не знаю, почему я так подумала, но он совершенно точно что-то скрывает. Смотрю мимо него на пустую стену и самым приятным голосом хвалю, чтобы хоть немного сгладить непростую ситуацию:

— Понятно и вдвойне приятна ваша забота о матушке, это настолько отрадно слышать, — в этот момент, я, кажется, невольно проследила взглядом за мухой, и Кретов это заметил, взял и махнул рукой над головой, ух каких усилий мне стоило удерживать взгляд неподвижно в одной точке. Но поздно, кажется, у него появилась идея «фикс» вывести меня на чистую воду и уже тогда прогнать с позором и без денег.

— Ну что же, как ни рассматривай, но ситуация выглядит неприятно тупиковой. Меня со всех сторон окружают принципы морали и нравственности, а вас, сударыня, окружают пугающие перспективы и бедная жизнь, посему, не находя иного выхода, предлагаю компромисс.

Он точно решил вывести меня на чистую воду.

— И какой же?

— Завтра приедут наш управляющий с обозом и слуги, три дня будут наводить порядки, а вам придётся помогать им советом, ведь вы должно быть, отлично знаете дом и поместье. А через неделю приедет моя семья, и если вы сможете расположить к себе мою матушку, то, так и быть, я не стану настаивать на вашем отъезде. Она очень любит красивую музыку, так что советую разучить несколько приятных уху романсов и баллад, возможно, это спасёт вас от неприятной участи просить милостыню, скитаться по злачным местам с выступлениями, словом, заниматься всем тем, чем красивой девице заниматься не пристало...

Отчитал, ещё раз махнул рукой, но я выдержала и это испытание. Пристально посмотрел и вышел, оставив дверь открытой. Даже не знаю, радоваться или отчаиваться.

— Я остаюсь в качестве патефона по вашей милости?

— Да хоть в качестве шарманки, он во всём прав, во всём. Ты на любой работе бы и двух рублей в месяц не заработала, а слепую выгнать у них рука не поднимется, не вздумай признаться. Его Милость уедет, найду на чердаке старые песенники и будешь зубрить, как отче наш, а то придумала: «Взвейтесь кострами синие ночи, дети рабочих!». Тьфу. Петух точно у тебя мозг выклевал, надо ему голову оттяпать до приезда новой хозяйки, сама ощипаю.

— Если бы вы не сочинили историю со слепотой...

— Шли бы мы пешком на станцию, глотая пыль! Непутёвая твоя голова! Слушайся старших и проживёшь жизнь в тепле и сытости. А то и правда в салун к девкам, тьфу.

Павлина махнула рукой, опираясь на трость, поднялась и вышла, не желая продолжать раздражающий разговор. Смотрите какая, ведь она моложе лет на десять меня настоящей, и эта трость и мощный вид — всё камуфляж, чтобы вызывать жалость у прошлой барыни и теперь у новых хозяев. Профессиональная приживалка — вот её должность, с какой она успешно

справляется. Но что делать мне? Рано или поздно обман раскроют, и ладно просто выгонят, а если посчитают себя оскорблёнными и за обман, сдадут как аферистку?

И снова, как с гимном, словно меня клюнул в темя жареный петух, подскочила и поспешила в большой зал, откуда доносится негромкий голос хозяина, и с ходу, чтобы самой не передумать, выпалила:

— Дмитрий Назарович, я всё же не могу остаться, можно я с вами в город? — просьбу-то я высказала, а как только поняла её суть прикусила губу, и что я там буду делать? Совершенно ничего не знаю об этом мире, времени, землях, порядках и законах. Но отступать поздно, глупая просьба прозвучала, и я покорно жду ответа, начиная молиться, чтобы он посчитал меня слегка того и не в себе.

Глава 4

Внезапная просьба стала для него неожиданностью. Так старались остаться, и вдруг просьба уехать в город? Логика ноль, но, кажется, он не удивлён, доволен, что я не подвела и сделала нечто совершенно нелогичное, что позволило ему самодовольно подумать: «Все женщины одинаковые, и эта не исключение!»

— Вот как? И что же вас вдруг побудило на столь поспешную смену решения?

— Обстоятельства...

Я не решилась открыться, стою перед ним, а смотрю мимо, на старый почерневший портрет на стене, и продолжаю играть роль слепой, актриса из меня так себе. Но почему-то очень стыдно разочаровывать Дмитрия, просто невыносимо, да и зачем, если я вроде как собираюсь уехать, через сутки он и не вспомнит об этом разговоре.

Оказалось, что я не одна страдаю от отсутствия логики.

Кретов аккуратно положил документы на стол и сделал шаг ко мне, протянул руку и осторожно вытащил из волос солому. Вздрагиваю, ресницы предательски вздрогнули, но я успела закрыть глаза, и, кажется, перестала дышать. Но его пристальный взгляд как луч лазера скользит по мне, я ощущаю тепло на своём лице, шее, и наконец на откровенном декольте летнего, льняного платица...

Его дыхание тоже сбилось, я готова поклясться, что услышала прерывистый ритм его сердца, это не романтика, это мужское эго и любопытство, а может быть, и жалость.

Его Милость, долго выдохнул и ответил так, что я окончательно растерялась, совершенно не понимая ни его мотивов, ни планов относительно меня, однако интонации в его голосе весьма обидные, словно я капризная дурочка, а ему приходится увещевать и вызывать к зачаткам моей скудной разумности:

— Сударыня, вы не в себе, я прекрасно понимаю вашу усталость от навязчивой опеки и компании Павлины Павловны, вам хочется свободы и вздохнуть свободно, но с вашим недугом, сие совершенно невозможно. Уж лучше слушать наставления опытной компаньонки, и поступать правильно, чем разрушить свою жизнь одним глупым поступком, уж поверьте, я знаю, о чём говорю. Увы, не имею возможности заниматься вашими делами, не могу вас пристроить. Никак кроме того варианта, какой уже успел объявить. Потерпите, скоро дом наполнится новыми людьми и вам станет легче, — он смог меня удивить, надо же заметил, насколько тяжело терпеть общество Павлины, я невольно улыбнулась, но зря, потому что это ещё не все его планы относительно меня. — Тем более у меня возникли некоторые сомнения и вопросы относительно вас, вашей истории и дальнейшей судьбы. Хочу кое-что выяснить. Обязан. Ведь при покупке имения маклер ни словом не обмолвился о вас, как о дальней родственнице, плюс, вы незрячая, и находились на попечении Клавдии Филипповны это всё весьма туманно выглядит, а я предпочитаю решать проблемы сразу, как только они назрели. Пока ещё договор свежий, мне нужны гарантии, что в будущем вы не начнёте против меня дело. Я понятно выражаюсь? — нарочито заботливый тон уступил место металлу в голосе.

Мне осталось только кивнуть и признать за ним порядочность, однако, чем это расследование будет грозить мне? В голове мгновенно возникла опасная траектория развития событий.

Выходит, что я, притворяясь больной, как бы умышленно подвожу к тому, чтобы как раз таки начать дело и оспорить сделку? А учитывая тот факт, что я не слепая — то преступная афера налицо.

— Ой, что-то мне нехорошо, помогите, пожалуйста, голова закружилась.

Беспомощно вытягиваю руку вперёд, и он её крепко ухватил, тут же приобнял, словно я рассыпаюсь, как песочная скульптура в ветреную погоду, провёл к стулу и усадил, оглянувшись,

но понял, что никаких лекарств под рукой нет, так и стоит, ждёт, когда я осознаю его сообщение.

А у меня одна мысль, какого чёрта, я продолжаю играть, уже давно пора признаться, объясниться, попросить прощения, ведь я реально очнулась после падения, даже могу сказать, что стукнулась головой и ничего не видела, а теперь вижу. Но я не могу сказать правду. Чувствую, что за обман он меня прямо сейчас выставит из дома. А я уже не хочу. Я боюсь нового мира и потому делаю ужасный ход, о котором, должно быть, пожалею, но всё уже зашло слишком далеко:

— Я неабсолютно слепая, при нормальном освещении вижу силуэты и вижу, как вы машете рукой, и где стоите, но в темноте и на ярком солнце не вижу ничего...

— Я так и подумал. И, наверное, у вас обострённый слух? Вы проследили за полётом мухи?

— Да, я её услышала, — вру и не краснею, но смягчаю остроту обмана, делая ложь слегка безобидной, если она вообще бывает безобидной, в чём я уже сомневаюсь.

— В таком случае я уезжаю со спокойным сердцем и не буду волноваться о вас. Завтра приедет управляющий, надеюсь на вашу всевозможную помощь в обустройстве. Я, кстати, так и не нашёл источник с лечебной водой, на карте обозначено северо-западное направление и примерно двести метров, но там нет оврага.

— О, такие детали я не знаю, мне не пускают к оврагам, увы, ничем не могу помочь. Спросите Павлину Павловну, она, должно быть, знает.

С этой минуты я укоренилась в мысли, что уговорю Павлину, запугаю её судебными разбирательствами, и она сама решит сбежать в столицу, до приезда семейства Кретовых, вот и всё.

— Хорошо, так и поступлю, будет обидно, если нас и в этом обманули, обещали источники, а на деле окажутся обычные родники.

— И в этом? Было много обманов? Что вы скрываете?

— Я же только что назвал главный обман, сударыня – ваше присутствие и права на часть дома. Но раз вы что-то видите, надеюсь, в свою комнату вернуться сможете. И всё же один вопрос, Елизавета Васильевна...

— Да, конечно.

— Ваше пребывание здесь не даёт мне покоя.

— Простите, в каком смысле? — его загадки меня снова начинают пугать, жаль не могу посмотреть в лицо и понять, это розыгрыш, или есть ещё кое-что, о чём я, разумеется, понятия не имею.

— В том смысле, сударыня, что вы очень хороши собой, и к несчастью, ваш статус совершенно неопределённый, Павлина Павловна – профессиональная приживалка, её вписать в регламент нашего быта можно, моя маменька любит играть в покер, и вообще общество. Но вы не служанка, не экономка...

— Вам же сказали, я вместо патефона, выучу новые мелодии и буду развлекать вашу матушку.

— А вы играете на фортепьяно?

— Весьма посредственно, как ученица.

— Порадуйте меня мелодией, чтобы я смог хоть как-то обосновать ваше присутствие, помимо моей порядочности и сердобольности.

Вздыхаю, молю бога, чтобы не сбиться, и тихо радуюсь, что сама окончила музыкальную школу и с внучкой много занималась. Уж что-то из классики сыграть смогу и не опозориться.

Довольно уверенно подошла к большому пианино, подняла крышку, чтобы размять пальцы, пробежала по гаммам и исполнила классику, «Симфония №6 Фа Мажор. Музыка ангелов» великого Моцарта, написанная им в возрасте одиннадцати лет, зачётная композиция моей

внучки Леночки. Играю, а из глаз слёзы, что там с моей семьёй творится даже представить страшно.

Играла довольно чисто и сбилась. Продолжать не решилась.

— Это очень недурной уровень игры, вы весьма талантливы, весьма. А слёзы? Что с вами? Музыка так на вас действует? — его безмерное любопытство начинает раздражать.

— Вспомнилось кое-что печальное и глубоко личное, простите, так я принята на должность музыкального работника в поместье?

Он расплылся в довольной улыбке и кивнул. У меня есть должность, у него есть обоснование моего присутствия в поместье. Видимо, боится ревности жены, но я же слепая, что с меня взять...

К убогим не ревнуют, надеюсь...

Про план побега я как-то снова забыла, да и Павлина уже строит планы, она ни за что не лишится своего законного места. Где-то наверху, что-то с грохотом упало:

— Это Павлина Павловна ищет песенники, она мне поможет с нотами, к приезду вашей семьи мой репертуар будет весьма достойным, я не опозорю вас.

Слегка кланяюсь и ухожу, чтобы не разрушить хрупкую гармонию, какая сейчас воцарилась в поместье, а что будет потом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.